

Асаёнок Б. В.

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ

УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
ул. Казинца, д. 21, к. 3, 220099, г. Минск, Беларусь,
boris.asayonok@gmail.com

В данной работе исследуется соотношение цифровых следов с традиционными видами следов в криминалистике: материальными и идеальными следами. В качестве основы для сравнения используется криминалистическая теория отражения. По результатам изучения делается вывод о наличии существенных методологических отличий указанных категорий следов.

Ключевые слова: криминалистическая теория отражения; классификация следов; следы-отражения; цифровые следы.

Категория «след» является краеугольным камнем криминалистической теории. Она, по сути, является отправной точкой формирования криминалистики как самостоятельной отрасли научного знания и практической деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. В настоящее время эта категория пронизывает все разделы и отрасли криминалистики и служит базисом для многих других криминалистических конструкций: механизм следообразования, криминалистическое следоведение (трасология), следовая картина преступления и др. В силу этого и в настоящее время вопрос о сути категории «след» является одним из наиболее актуальных как с точки зрения криминалистической теории, так и применительно к практике борьбы с преступностью.

Методологическим базисом криминалистических взглядов на категорию следа явились фундаментальные труды выдающегося криминалиста профессора Р. Ф. Белкина, а также сформированная им впоследствии криминалистическая теория отражения. В частности, им отмечалось, что «применительно к процессу доказывания изменения в среде как результат отражения в этой среде события и есть доказательства этого события, то есть те фактические данные, с помощью которых только и можно судить о событии преступления. Следовательно, сам процесс возникновения доказательств есть процесс отражения, а возникновение доказательств – результат этого процесса» [1, с. 9]. Определяющее значение теории отражения в криминалистике также отмечал и патриарх белорусской криминалистики профессор А. В. Дулов, говоря, что «ее применение обосновывает изучение преступной деятельности; организацию всех

элементов и этапов борьбы с преступностью; решение всех целей и задач криминалистики на основе применения всех видов, элементов, этапов развития теории отражения» [2, с. 145].

В данном контексте следует говорить о том, что криминалистическая теория отражения в целом раскрывает механизм образования информации о преступлении как явления материального мира и о принципиальной возможности познания этой информации для дальнейшего использования в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Эта информация и является в широком смысле следами преступления. Благодаря выявленным особенностям механизма отражения в результате взаимодействия элементов преступной деятельности с окружающим миром в настоящее время устоявшимся является выделение отражения следов преступления на объектах неживой и живой природы. При взаимодействии с объектами неживой природы образуются материально-фиксированные следы, а при взаимодействии с объектами живой – идеальные.

Хотя такую классификацию можно признать в некоторой мере условной, поскольку только при взаимодействии с психикой человека как элементом живой природы действительно образуются идеальные следы. Следообразование же при непосредственном контактном (физическом) взаимодействии объектов живой и неживой природы с живыми организмами следует признать более близким по своему механизму к взаимодействию объектов неживой природы, поскольку образование следов воздействия характеризуется изменением внешней структуры живых организмов (к примеру, причинение телесных повреждений). Вместе с тем, наличествуют те особенности, которые связаны с прижизненным функционированием живых организмов, а также с их посмертным изменением.

Учитывая эти особенности Т. В. Аверьянова, раскрывает следующие виды физического взаимодействия: «механическое, термическое, комбинированное (физическое и термическое одновременно), химическое, биологическое» [3, с. 10].

При отражении преступления в материальном мире дает основание для классификации материальных следов по следующим группам:

- 1) следы-предметы;
- 2) следы-вещества;
- 3) следы-отображения [4, с. 133].

У Р. С. Белкина применительно к криминалистической теории отражения есть упоминание и относительно психического отражения: «мысленная (образная) форма информационного сигнала является субъективной формой психического отражения» [5, с. 91]. Вместе с тем, криминалистическое учение о механизмах следообразования, изложенное

им во втором томе «Курса криминалистики» содержит преимущественно различные аспекты криминалистической трасологии [6, с. 20-44].

Вместе с тем, криминалистические взгляды на идеальные следы, их роль и классификацию в достаточной мере представлены в современной правовой доктрине. Так, Л. А. Суворова приводит следующие признаки идеальных следов:

- 1) они содержат криминалистически значимую информацию;
- 2) информация воспринимается человеком;
- 3) информация воспринимается посредством органов чувств;
- 4) информация существует в форме мысленных образов в памяти человека;
- 5) информация должна быть воспроизведена в доступной исследованию форме;
- 6) способ воспроизведения информации должен быть допустимым с точки зрения процессуальной формы [7, с. 11].

На основе этих признаков ею дается определение, близкое к традиционному пониманию идеальных следов в криминалистической доктрине. Их она определяет в качестве «... криминалистически значимой (уголовно-релевантной) информации, воспринятой и запечатленной человеком в виде мысленных (памятных) образов, и которая может быть им воспроизведена в вербальной или иной форме либо извлечена из его памяти средствами, допустимыми для использования в уголовном судопроизводстве [7, с. 11].

Собирание таких следов осуществляется преимущественно в процессе вербальных следственных действий.

Включение идеальных следов в систему криминалистического следоведения как частного подраздела (теории) общей теории криминалистики поддерживается учеными-криминалистами в качестве основы формирования единого учения о следах (а не только в рамках трасологии в криминалистической техники) [8, с. 64-65; 9, с. 60; 10, с. 17 и др.].

Изложенные подходы к материальным и идеальным следам в контексте криминалистической теории отражения позволяют в большей степени прояснить вопрос о месте цифровых следов в системе следов преступления. При этом мы не ставим задачей всецело ответить на все те вопросы, которые до сих пор остаются в криминалистической доктрине в сфере данной проблематики. Так, дискуссионным продолжает быть вопрос о названии этой категории следов: компьютерные следы, бинарные следы, виртуальные следы, электронные, электронно-цифровые или цифровые. Исходя из формы представления информации нами более приемлемым представляется название цифровых следов.

В отношении же места цифровых следов в системе следоведения, необходимо отметить, что, исходя из материальности их носителя, такие

следы нередко относятся к материальным. Хотя есть мнение о возможности их отнесения более к следам идеальным [11, с. 44].

В этой связи представляется необходимым обратить внимание на следующее. С точки зрения отражения информации о преступлениях, без сомнения, цифровые следы являются следами преступления и, соответственно, имеют самостоятельное доказательственное значение. Но применительно к традиционным видам следов следует считать их самостоятельной категорией, поскольку их отличия не позволяют в полной мере отнести их ни к материальным, ни к идеальным следам.

Формой существования материальных следов являются материальные объекты (и для следов-предметов, и для следов-отображений) или вещества. Следы-предметы и следы-отображения обладают материально-фиксированной формой. Следы-вещества хоть такой формой и не обладают, но для них все же характерна определенная пространственная локализация, которая может быть зафиксирована, что определяет их материальный характер. Для цифровых следов такое материально-фиксированное существование не характерно. Можно с некоторой долей допущения говорить о материально-фиксированном характере электронных носителей информации, но это не будет являться формой существования самих цифровых следов. Отождествление цифровых следов и их носителей с точки зрения теории отражения не может признано обоснованным. Цифровая форма документа, к примеру, лишь находится на определенном носителе и может быть свободно отделена от него, перенесена на другой носитель, сервер и т.д., в силу чего последние не могут считаться формой существования цифровых следов. Применяя аналогию, если бы носитель являлся формой существования гипсового следа обуви, то упаковочный пакет, коробка должны были бы считаться формой существованию такого следа. Но такое утверждение для теории и практики доказывания по уголовным делам не может считаться сколь-нибудь соответствующим правовой действительности.

Формой существования идеальных следов является только отображение их в психике человека с последующим закреплением в материалах уголовного дела. Эти следы могут восприниматься лишь посредством органов чувств человека, что не свойственно для цифровых следов. Да, возможно чувственное восприятие цифровой информации, но лишь с того момента, когда они из цифровой формы приобретают визуальную или аудиальную (возможно, и тактильную, осязаемую) форму, доступную к восприятию сознанием человека. Само же непосредственное восприятие цифровых следов затруднительно, поскольку они предназначены к обработке соответствующими устройствами. В теории криминалистики существовали предложения, к примеру, распечатывать и прилагать к материалам дела в печатном виде цифровую информацию,

обрабатываемую в машиносчитываемой форме. Это позволяло бы, по мнению авторов, их считать письменными доказательствами. Но такая распечатка давала бы в уголовном деле ненужный объем печатных документов, который не доступен к непосредственному восприятию и анализу сознанием человека, в силу чего такие предложения не получили сколь-нибудь минимальной поддержки. Изложенное позволяет говорить о самостоятельности следов по характеру их формы и носителя.

Но наиболее существенные различия в видах следов наблюдаются в механизме следообразования. Материальные следы образуются в результате контактного взаимодействия материальной структуры преступления с окружающей средой. Применительно к следам-отображениям появились категории следообразующего и следовоспринимающего объекта, идентифицирующего признака, идентификационного поля и т.п., то есть всего, что является непосредственным применением криминалистической теории отражения. Но указанные материальные, по сути, категории мало применимы к цифровым следам. Механическое отражение невозможно в цифровой среде, поскольку цифровые следы не имеют материально фиксированной формы. Вместе с тем, это не значит, что криминалистическая теория отражения «не работает» в цифровой среде. Факт, ход и результаты преступного воздействия отражаются на цифровых объектах. Но такое воздействие носит информационный характер – появление, изменение и уничтожение информации в цифровой форме. Эти изменения могут касаться и файловых систем, и программного обеспечения, и других элементов цифровых систем. Крайне редко результаты такого воздействия материализуются в классические материальные следы. Такое преобразование цифровых следов в материальные практически всегда носит целенаправленный характер. Так, результаты преступной модификации цифровой информации могут привести к изменению баланса карт-счета, остановке производственных мощностей предприятия и в других материализованных общественно опасных последствиях.

Важным отличием цифровых следов от следов материальных является также и то, что они могут копироваться неограниченное количество раз без существенного изменения их содержания (хотя сам факт несанкционированного копирования, к примеру, уже сам по себе может являться самостоятельным цифровым следом).

Проблематичным является отождествление механизма образования цифровых и идеальных следов. Процесс образования последних включает в себя восприятие, запоминание и воспроизведение информации человеком посредством его психики. Каждому их этапов соответствуют определенные психические особенности, в том числе, применительно к конкретному человеку. При образовании цифровых следов на определенных этапах,

конечно же, участвует психика человека, но она опосредована спецификой электронных сетей, программного обеспечения и другими элементами цифровой среды. К примеру, это хорошо демонстрируется в ряде случаев процессом исследования при проведении компьютерно-технической экспертизы, где основным средством ее проведения является соответствующее программное обеспечение, и включение человеческого сознания в порядок обработки и исследования цифровой информации ограничено по объему.

Процесс создания и модификации цифровой информации, а соответственно, и образования цифровых следов, еще менее включает человеческое сознание при использовании систем искусственного интеллекта, где роль человека (в том числе, и при совершении преступного деяния) еще более ограничена. Здесь человеческая психика участвует, по сути, только на этапе постановки задачи искусственному интеллекту, а способ и средства решения этой задачи может избираться программой самостоятельно. Здесь же возможны эксцессы в достижении определенного (и преступного тоже) результата, поскольку внутренние процессы функционирования программ искусственного интеллекта зачастую недоступны обычному пользователю. Все это существенно рознит механизм следообразования для идеальных и цифровых следов.

Эти и многие иные аспекты применения криминалистической теории отражения, по нашему мнению, дают основания полагать о самостоятельности категории «цифровые следы» в системе следов преступления и составляют важную теоретическую основу для исследования этих следов в доктрине криминалистики.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики / Р. С. Белкин. – М. : Изд-во МВШ СССР, 1970. – 130 с.
2. Дулов, А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе / А. В. Дулов. – Минск: Изд-во БГУ, 1959. – 188 с.
3. Аверьянова, Т. В. Значение криминалистической теории отражения для судебно-экспертной практики / Т. В. Аверьянова // Труды Академии управления МВД России. – 2017. - № 3(43). – С. 9-13.
4. Комиссарова, Я. В. Понятие и классификация следов в криминалистике / Я. В. Комиссарова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 3 (55). – С. 131-141.
5. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. / Р. С. Белкин. 3-е изд., дополненное. – М., 2001. – 323 с.
6. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. / Р. С. Белкин. 3-е изд., дополненное. – М., 2001. – 313 с.

7. Суворова, Л. А. Идеальные следы в криминалистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л. А. Суворова ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – 24 с.
8. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2. / Р. С. Белкин. – М., 2001. – 313 с.
9. Малыхина, И. Н. Идеальные следы в криминалистике / И. Н. Малыхина // Правовое государство: теория и практика. – 2014. - № 3 (37). – С. 59-61
10. Смахтин, Е. В. Некоторые аспекты методологии криминалистических научных исследований / Е. В. Смахтин // Юристъ-правоведъ. - 2009. - № 5 – С. 15-18.
11. Компьютерная информация в следственной деятельности: сборание, оценка, использование : учеб. пособие / Ю. Ф. Каменецкий [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2022. – 376 с.